

Dall'Asta M. Philosoph, Magier, Scharlatan und Antichrist: Zur Rezeption von Philostrats «Vita Apollonii» in der Renaissance. Heidelberg : Universitätsverlag C. Winter, 2008. 403 S.

Флавий Филострат (160-е гг. — 240-е гг.) является одним из наиболее интересных греческих писателей Римской империи эпохи Северов. В последние годы наблюдается особенно интенсивный интерес как к самому Филострату, так и к его литературному наследию. Между тем, первыми, кто стал заниматься религиозным содержанием сочинений Филострата, были богословы. Первый ученый труд о «Жизни Аполлония» в контексте евангельских сюжетов — это книга Фердинанда Кристиана Баура 1832 г.¹, положившая начало долгой дискуссии о литературной и идейной связи «Жизни Аполлония» и Нового Завета, не утихающей до сих пор².

Сочинение «ΤΑ ΕΣ ΤΟΝ ΤΥΑΝΕΑ ΑΠΟΛΛΩΝΙΟΝ» (В честь Аполлония Тианского)³ было написано Филостратом, вероятно, в кон. 20-х — нач. 30-х гг. III в. «Жизнь Аполлония» (далее — *VA* = *Vita Apollonii Tyanensis*) состоит из восьми книг, в которых описывается чудесное рождение героя, годы учения в Тарсе и Эгах, его путешествия в восточные страны (Вавилония, Индия), странствия в пределах империи, суд над ним Домициана и чудесная смерть (или исчезновение). Жанр этого сочинения, которое выглядит для нашего современника как «биографический роман»⁴, в контексте разнообразия жанров античной художественной прозы определить трудно. До последнего времени исследователи затруднялись отнести *VA* к какому-то определенному жанру. Несмотря на близость *VA* к ареталогии (предания о «божественных мужах») и античной биографии, она, действительно, представляется каким-то «un véritable pot-pourri des forms littéraires»⁵. «Жизнь Аполлония» весьма отличается от обычной биографии или ареталогии. История Аполлония украшена типично «софистическим» декором⁶

¹ Baur F. Ch. Apollonius von Tyana und Christus oder das Verhältniss des Pythagoreismus zum Christentum. Ein Beitrag zur Religionsgeschichte der ersten Jahrhunderte nach Christus. Leipzig, 1832.

² См., например : Hempel G. Untersuchungen zur Überlieferung von Apollonius von Tyana. Stockholm, 1920; Herzog-Hauser G. Die Tendenzen der Apollonius-Biographie // Jahrbuch der Österreichischen Leo-Gesellschaft. 1930. S. 177–200; Schütz H. J. Beiträge zur Formgeschichte synoptischer Wundererzählungen, dargestellt an der Vita Apollonii des Philostratus. Diss. Jena, 1953; Petzke G. Die Traditionen über Apollonius von Tyana und das Neue Testament. Leiden, 1970; Speyer W. Zum Bild des Apollonios von Tyana bei Heiden und Christen // Jahrbuch für Antike und Christentum. 1974. Bd. 17. S. 48–53; Koskenniemi E. Der philostratische Apollonius. Helsinki, 1991; Idem. Apollonios von Tyana in der neutestamentlichen Exegese. Forschungsbericht und Weiterführung der Diskussion. Tübingen, 1994 и др. работы.

³ См. : Anderson G. Philostratus: Biography and Belles Letters in the Second Century A. D. L.; etc., 1986. P. 121; cp. : Whitmarsh T. The Second Sophistic. Oxford, 2005 (G&R. New Surveys in the Classics; 35). P. 76.

⁴ См. : Рабинович Е. Г. «Жизнь Аполлония Тианского» Флавия Филострата // Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского / Е. Г. Рабинович, изд. М. : Наука, 1985. С. 244.

⁵ Réardon B. P. Courants littéraires grecs des IIe et IIIe siècles apres J. C. P., 1971 (Annales littéraires de l'université de Nantes). P. 60; cp. : Petzke. Op. cit. S. 60.

⁶ См. : Swain S. Defending Hellenism: Philostratus *In Honour of Apollonius* // Apologetics in the Roman Empire: Pagans, Jews and Christians. Oxford, 1999. P. 178.

из подробных географических описаний (Вавилон: 1. 25; Кавказ: 2. 2; Гифас: 3. 1–2; Испания: 5. 1–2; Эфиопия: 6. 1; Верхний Нил: 6. 23–24), рассуждений об искусстве (2. 22), рассказов о животных (2. 11–16), индийских чудес (3. 45–57), беседы с Ахиллом (4. 11–16), разговора о достоинствах флейтиста (5. 21), споров о наилучшей форме правления (5. 33–53), описаний обычаев и законов спартанцев (6. 20) и проч.⁷ Все эти моменты в *VA* — типичные для литературы «второй софистики» жанры риторического «перформанса»⁸. Поиск жанрового подобия в идеальной, с точки зрения представителей «второй софистики», литературе классической эпохи приводит к *Institutio Cyri* Ксенофонта, сочинению, которое, действительно, весьма схоже с *VA* в жанровом отношении⁹. Между тем, на *VA*, безусловно, повлияли и ареталогия, и современная Филострату биографическая традиция, и «троянский роман».

Еще с античных времен продолжается спор о том, был ли Филострат знаком с Евангелиями. Некоторые считают, что зависимость Филострата от Евангелий прослеживается в рассказах о чудесном рождении Аполлония (*VA* 1. 4; ср.: Лк 1. 28–38), об изгнании бесов (*VA* 4. 20; ср.: Лк 8. 26–39 и Лк 4. 20), о воскрешении мертвых (*VA* 4. 45; ср.: Лк 8. 41–56), а эпизод с явлением Аполлония в Дикеархию с суда Домициана схож с евангельским рассказом об эмаусском чуде (*VA* 8. 10; ср.: Лк 24).

В 1832 г. Ф. К. Баур выпустил в свет свой труд об Аполлонии и Христе, где доказывал, что «Жизнь Аполлония» написана как полемическое сочинение в защиту языческого благочестия, и утверждал, что как христианство многое позаимствовало у язычников, так и языческое пифагорейство позаимствовало у христиан рассказы о Христе, сделав Аполлония Тианского своего рода языческим «христом»¹⁰. Баур считает прямым заимствованием из евангельских сюжетов эпизод у Филострата, где Аполлоний «воскрешает» в Риме девицу (4. 45, ср.: Лк 7. 11; Мк 5. 39). Седьмую и восьмую книги *VA* Баур предлагает понимать как «историю страстей» Аполлония — прямое подражание истории страстей Спасителя. К таким же подражаниям относит он и изгнание богов и чудесное явление Аполлония в Дикеархию прямо из судилища Домициана¹¹.

Исследования последних десятилетий показывают, что, скорее всего, прямой связи *VA* и *NT* не имеют, а случайные сходства содержания легко объясняются влиянием общеевропейских литературных то́лои на творчество Филострата.

⁷ См. также : *Anderson*. Op. cit. P. 124–131, 199–226.

⁸ См. : *Idem*. The Second Sophistic: A Cultural Phenomenon in the Roman Empire. L., 1993. P. 144–155, 171–199.

⁹ См.: *Bowie E. L.* Apollonius of Tayna: tradition and reality // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. 1978. Bd. 2. T. 16. 2. P. 1665. N. 49; *Anderson*. Philostratus: Biography... P. 231–232; ср. : *Koskenniemi*. Der philostratische Apollonius... S. 8–9.

¹⁰ См. : *Baur*. Op. cit. S. 235. Э. Коскенниemi предполагает здесь влияние на Баура философии Г. В. Ф. Гегеля (см. : *Koskenniemi E.* Apollonios von Tyana in der neutestamentlichen Exegese. Forschungsbericht und Weiterführung der Diskussion. Tübingen, 1994. S. 19–20).

¹¹ Исследование Баура оказало огромное влияние на восприятие образа Аполлония Филострата у ученых XIX столетия (См., напр. : *Réville A.* Le Christ Païen du IIIe siècle // *Revue de Deux-Mondes*. 1865. Vol. 59. P. 620–654; *Ревиль Ж.* Религия в Риме при Северах. М., 1898. С. 250–251.), так что, вопрос о влиянии *NT* на *VA* почти что до конца века и не поднимался, считаясь разрешенным Бауром.

Поэтому главный вектор в изучении *IA* сейчас сместился на вопросы литературной техники Филострата, меры отражения в *IA* собственной эпохи писателя и *Nachleben* образа Филострата Аполлония в позднейшей античной и средневековой традициях.

Эпоха Возрождения воспринимается большей частью как пора пробуждения европейского человечества от кошмарного средневекового сна, временем торжества разума и утверждения самостоятельного бытия человека перед лицом Бога. Однако «торжество разума» имеет и другую сторону. В то же самое время, на волне увлечения классической древностью, просвещенную гуманистическую Европу охватывает интенсивная тяга ко всему оккультному, таинственному и мистическому. Показательны истории о том, как Марсилио Фичино откладывает перевод Платона, чтобы как можно быстрее перевести сочинения Гермеса Трисмегиста, или как Иоганн Рейхлин открывает современникам кабаллистическую основу пифагорейства. По Европе там и сям появляются рассказы о «божественных мужах» — тайноводцах вроде Джованни Меркурио, объявившего себя учеником самого Аполлония Тианского. Магия становится у гуманистов *philosophia naturalis*, а астрология — помощницей медицины. Появление рецензируемой книги об Аполлонии Тианском кажется в этой связи особенно актуальным не только для истории *Nachleben* Аполлония в эпоху Ренессанса, но и для истории самого Возрождения.

В основе монографии М. Далл' Асты «Философ, маг, шарлатан и антихрист: К рецепции *Vita Apollonii* Филострата в эпоху Ренессанса» лежит его докторская диссертация, защищенная на философском факультете Гёттингенского университета Георга-Августа в 2007 г. Книга состоит из введения, девяти глав, заключения, приложений и библиографии. Во *Введении* (с. 1–20) рассматривается история изучения *IA* в классической филологии и богословии, ставятся цель и задача предлагаемой работы, очерчиваются проблемы теории «истории рецепции» как достаточно новой области «наук о духе», а также дается обзор истории *IA* в художественной и эзотерической литературе Нового и Новейшего времени.

Глава первая «*Античные и средневековые предания об Аполлонии Тианском*» (с. 21–65) посвящена традиции об Аполлонии в целом. Отдельно рассматриваются собственные сочинения исторического Аполлония, «Жизнеописание Аполлония», написанное Флавием Филостратом, иные языческие и христианские (античные и средневековые) свидетельства об Аполлонии, арабская и индийская традиции о тианском мудреце. Автор демонстрирует прекрасную осведомленность во всех этих сложных для классической филологии вопросах и хорошее знакомство с научной литературой. Поэтому первая глава монографии может быть полезна для всякого, кто занимается историей классической литературы, поскольку сочетает в себе хорошую доходчивость с безусловной компетентностью.

В главе второй «*Перевод Аламманно Ринуччини и Editio Aldina Vitae Apollonii*» (с. 67–84) рассказывается о переводе *IA* на латинский язык, выполненном Аламманно Ринуччини в 1473 г., и выдержавшем множество изданий в 1501, 1502, 1504, 1505, 1532, 1555 и 1608 гг. А. Ринуччини (1426–1499) был флорентийским гуманистом, известным как переводчик сочинений не только Филострата, но и

Плутарха. В XIV в. в Италии было уже 9 рукописей *VA*, и настоятельная потребность в латинском переводе действительно назрела, о чем мы можем судить из слов Ринуччини в посвящении перевода Ф. да Монтефельтро и В. да Фельтре: *quod tandiu liber is latino caruerit interprete*.

Здесь же Далл' Аста пишет о первом европейском двуязычном (греко-латинском) издании «Жизни Аполлония» Флавия Филострата, вышедшем из типографии А. Мануция. Издание имеет три различные даты: март 1501 г. (греческая часть), февраль 1502 г. (латинская часть), май 1504 г. (предисловие). Кроме того Мануций был первым, кто присоединил к тексту *VA* в качестве «противоядия» также и сочинение Евсевия Кесарийского «Против Гиерокла»¹². Далл' Аста разбирает вопрос о том, почему издание *VA* было растянуто на 4 года. Однако трудно однозначно решить, была ли вызвана задержка издания недовольством Мануция переводом Ринуччини или же цензурной политикой Ватикана.

Третья глава «Аполлоний в контексте “*Prisca theologia*” у Марсилио Фичино и Джованни Пико делла Мирандолы» (с. 85–119) посвящена судьбе Аполлония Тианского в сочинениях М. Фичино и Д. Пико делла Мирандолы в контексте учения Фичино и Корнелия Агриппы о «древнем богословии». Концепция *priscae theologiae* является, возможно, самым знаменитым учением флорентийского платоника Марсилио Фичино (1433–1499). Оно основано на ренессансном призыве *ad fontes*. Благоговение гуманистов перед древностью лаконично выражено Иоганном Рейхлином в словах: *nos igitur Latini paludem bibimus, Graecii rivos, Iudaei fontes*. Из Диогена Лаэртского, переведенного уже в 1-й пол. XV в. А. Траверсари, гуманисты знали, сколь сильны были влияния на греческих философов со стороны египтян и халдеев. Перечисляемые Диогеном «варварские» философы — Залмоксис, Орфей, Зороастр, Остан, индийские гимнософисты и кельтские друиды — приобрели особое значение в эпоху Возрождения. К этому списку также были присоединены Гермес Трисмегист и Пифагор. Известно исключительное положение Гермеса у ренессансных мыслителей. В предисловии к герметическому трактату «Поймандр» Фичино начинает список *priscae theologiae* Гермесом, а заканчивает Платоном. В своем Комментарии на платоновский Филеб (1469) Фичино модифицирует список: Зороастр, Гермес, Орфей, Аглаофам, Пифагор и Платон. Аполлоний Тианский появляется в списке «древних богословов» у Д. Пико в трактате *De hominis dignitate* (1486) наряду с другими магами, ибо, по мнению автора, *priscae theologiae* являлись также *priscae magi*, практиковавшими именно «белую» магию, а не «черную». И Рейхлин также в сочинении *De verbo mirifico* (1494) ставит Аполлония в ряду магов-теологов, в подобном же списке имя Аполлония встречается в труде Корнелия Агриппы *De occulta philosophia* (1510).

В сочинениях Фичино имя Аполлония Тианского упоминается около 20 раз. Некоторые цитаты из Филострата говорят о том, что Фичино был знаком с пе-

¹² A te autem, Zenobi doctissime, huic rei consultum est optime, tum quia Eusebii libellum non inerudite et barbaramente, sed et docte et Latine traduxisti, tum etiam, quia per nostrorum hominum manus Philostrati mendacia vagari incognita non es passus, id ipsum Eusebii opusculum indicet et reda[r]gutorem ὡς ἀντιφάρμακον opponendo (Prefaces to the First Editions of the Greek and Roman Classics and the Sacred Scriptures // В. Botfield, coll., ed. L., 1861. P. 253).

реводом Ринучини. Фичино восхищается мудростью и долголетием Аполлония, его чудесами, исцелениями, изгнаниями? демонов. Все это очевидно являет, по мнению Фичино, в Аполлонии «божественного мужа». На материале многочисленных текстов Фичино Далл' Аста убедительно доказывает, что Фичино был знаком не только с *IA*, но и с другими источниками традиции об Аполлонии Тианском. Особенно важным для Фичино был фрагмент сочинения Аполлония «*Περὶ θυσίῳν*», сохранившийся у Евсевия (*Præparatio Evangelica* IV. 12–13)¹³ в связи с развиваемым флорентийским платоником учением о жертвоприношении, согласно которому всевышнее божество следует почитать *intelligentiæ viribus atque motibus*.

Трактат Фичино *De vita libri tres* В. Каль назвал «древнейшей гигиеной духовного труда». Это — сочинение, в котором Фичино реализует три своих ипостаси: врача, философа и священника. Третья книга трактата «*De vita coelitus comparanda*» носит в значительной мере «оккультный» характер. Являясь формально комментарием к Плотину (*Plotinus*. *Enneades* IV. 3. II), она посвящена вопросам привлечения положительных и защите от отрицательных небесных (прежде всего, планетарных) лучей, особенно с помощью использования амулетов или талисманов (*imagines*). Уже в проэмии к этой книге Аполлоний Тианский наряду с Пифагором и Демокритом является примером того, как с помощью исследования и правильного употребления небесных явлений человеку возможно стяжать крепкое здоровье и долголетие. Согласно Фичино, ученые и философы, как люди меланхолического темперамента находятся под прямым воздействием Сатурна, чьи излучения бывают не только позитивными, но и негативными. Чтобы защититься от отрицательного воздействия Сатурна маги, брахманы и пифагорейцы компенсировали его негативное влияние воздействием солярных энергий: с помощью белых одеяний и ежедневных молитв Солнцу¹⁴. Это учение Фичино, очевидно, опирается на третью книгу *IA*. Фичино пересказывает известное из *IA* 3. 34 учение брахманов об одушевленном космосе, в котором *anima mundi* связана с плотными телами посредством эфира (у Фичино: *spiritus*)¹⁵. Из *IA* 3. 42

¹³ «Вот что он [Порфирий] говорит. Близкое и родственное этому о первом и великом Боге, как известно, пишет в [сочинении] «О жертвоприношениях» тот самый, многими прославляемый Тианиец Аполлоний: «Лучше всего оказал бы должное почтение божеству и более иных людей обрел бы у него милость и благорасположение тот, кто не стал бы никаким образом совершать жертвоприношение богу, которого мы назвали первым, единому и отдельно от всех [богов], позади которого необходимо мыслить прочих [богов]. Ни огненного [жертвоприношения], ни вообще не стал бы называть что-то воспринимаемое чувствами, ибо он не испытывает нужды в чем-либо даже от тех, кто выше нас, и вообще нет ни растения, ни животного, которых взращивает земля или питает воздух, которым не была бы присуща какая-либо скверна. Следует всегда употреблять в сношении с ним возвышенную речь. Я имею в виду не ту [речь], что исходит из уст, но ту, которая у прекраснейшего из существ испрашивает посредством прекраснейшего в нас, а это — ум, не нуждающийся в инструменте. Итак, согласно вышесказанному, никоим образом не следует великому и всевышнему богу совершать жертвоприношений».

¹⁴ О культе Солнца в *IA* см. : Белоусов А. В. Культ Солнца у Аполлония Тианского // Труды кафедры древних языков исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (к 50-летию кафедры). М. : Индрик, 2009. С. 82–88.

¹⁵ См. : *Он же*. *Pythagorica-Hermetica*: К вопросу об источниках Philostr. *Vita Apoll.* III. 34 // Индоевропейское языкознание и классическая филология (Чтения памяти И. М. Тронско-го). СПб., 2009. Т. 13. С. 61–69.

Фичино развивает учение о *spiritus mundanus* и *spiritus humanus*: последний испытывает небесное влияние через первый. Знание законов космической взаимосвязи, собственно законов универсальной *ουμλάθεια*, является основой для правильного изготовления и использования амулетов и талисманов. Очевидно, Фичино был знаком с преданиями о *ἄλωτελέσματα*, (или *τελέσματα*) Аполлония Тианского¹⁶.

В этой же главе Далл' Аста рассматривает образ Аполлония в сочинениях Пико делла Мирандолы (1463–1494). Пико относится к Аполлонию как к «белому» магу. Белая магия является у него ничем иным как *philosophia naturalis*. Он сближает Аполлония Тианского с евангельскими «вохвами с Востока».

Четвертая глава «*Вердикт Джанфранческо Пико дела Мирандолы*» (с. 121–145) является очерком учения племянника Джованни Пико — Джанфранческо (1469–1533) о магических практиках брахманов и гимнософистов и об Аполлонии Тианском как шарлатане и союзнике дьявола. В Приложении I (с. 307–327) дается латинский текст из VII книги сочинения Джанфранческо Пико *De rerum praenotione*, из которого очевидно, что Джанфранческо считал индийских брахманов, эфиопских гимнософистов и самого Аполлония чернокнижниками.

Глава пятая «*Четыре мага: Иоанн Тритемий о Джованни Меркурио да Корреджо, Аполлоний Тианский и Иоганн Георг Фауст*» (с. 147–180) рассказывает о некоем Иоанне Меркурии, который, по свидетельствам различных хроник XVI столетия, вместе с женой, детьми и прислугой появился в Лионе в 1501 г. Он хотел, чтобы его называли Меркурием, носил светлое одеяние, «как Аполлоний Тианский», и железную цепь на шее. Он выдавал себя за ученика и последователя Аполлония. Французский король Людовик XII устроил диспут между этим Меркурием и многочисленными докторами медицины, и Меркурий достойно ответил на все их вопросы. Сообщается, что мудрец подарил королю меч, сделанный из 180 ножей, и щит с зеркалом. Что затем случилось с этим итальянцем, хроникам неизвестно. Эта история примечательна в нескольких отношениях: во-первых, она показывает место магии в культуре Ренессанса и значения в этом контексте фигуры Аполлония Тианского, а во-вторых, автором первой хроники (*Chron. Sponheimense*) является Иоанн Тритемий, знаменитый кроме всего тем, что был весьма сведущ *in rebus magicis*. Далл' Аста приводит убедительные доводы в пользу того, что Иоанн Меркурий из хроник возможно был историческим Джованни Меркурио да Корреджо.

Далее автор разбирает два письма Иоанна Тритемия Дитриху фон Бюлову и Иоанну Вирдунгу, в которых Тритемий оценивает Аполлония Тианского весьма отрицательно. В Приложениях II а–b (с. 328–335, 336–338) Далл' Аста помещает en regard пять хроник об Иоанне Меркурии и свидетельства некоего Евстахия о встрече Джованни Меркурио да Корреджо с королем Людовиком XII. В Приложении III (с. 339–345) приведен латинский текст писем Иоанна Тритемия к Дитриху фон Бюлову.

В шестой главе «*Аполлоний в Индии: Иоганн Рейхлин о браманах, пифагорействе и каббале*» (с. 181–219) Далл' Аста исследует тексты Рейхлина на предмет отражения в них знакомства автора с *VA* и традицией об Аполлонии Тианском.

¹⁶ См. : *Spreyer*. Op. cit. S. 56–57.

Наиболее ярко это знакомство Рейхлина (1455–1522) с *IA* отразилось в двух его сочинениях *De verbo mirifico* (1494) и *De arte cabalistica* (1517). Оба сочинения являются диалогами. Первое — диалог между финикийцем Седонием, иудеем Барухием и христианином Капнионом, в котором рассказы об Индии и ее мудрецах, очевидно, основаны на *IA* III. Второе сочинение — диалог действующими лицами которого являются кавказский пифагореец Филолай, мусульманин Марран и испанский иудей-каббалист Симон. Основную идею этого диалога можно удачно описать словами самого же Рейхлина: *Pythagorae philosophia de Cabalaeorum praeceptis initia duxit*. Далл' Аста находит в этом диалоге множество следов усердных занятий Рейхлина с сочинением Флавия Филострата.

Глава седьмая «Поиск следов у диссидентов: Аполлоний у Муциано Руфа и Корнелия Агриппы Немтесгеймского» (с. 221–246) посвящена исследованию того, как относились к Аполлонию Тианскому такие «маргинальные» деятели как Муциан Руф (1470–1526) и Корнелий Агриппа (1486–1535). Превосходный латинский стилист Конрад Мут, по-латински именовавшийся Муцианом Руфом, был каноником в Готе. Прекрасный знаток античной литературы, флорентийского платонизма и сочинений Рейхлина, Муциан часто обращался к образу Аполлония Тианского. Чудеса Аполлония, в отличие от Евсевия Кесарийского или Джанфранческо Пико, не составляли для Муциана богословской проблемы, поскольку вообще для него было существенно лишь этическое содержание как Священного Писания, так и сочинений языческих авторов. Муциан Руф исповедовал *unam religionem in varietate rituum*. Христос для него был лишь *animus et spiritus*, поэтому и чудесное исчезновение Аполлония из суда Домициана было для него одним из аргументов в пользу чистой «духовности» Спасителя, что выдавало в нем сторонника докетических представлений.

Что касается Корнелия Агриппы, автора известного сочинения *De occulta philosophia libri tres* (1510–1533), то Далл' Аста, опираясь на исследования Виттории Перроне Компани¹⁷ и собственные разыскания, убедительно показывает, что Агриппа не был знаком с греческим текстом *IA* непосредственно, он пользовался только переводом Ринучини и сочинениями Рейхлина, Фичино, Пико делла Мирандолы и др. В Приложении IV (с. 346–349) Далл' Аста дает en regard отрывок о ритуальных омовениях брахманов и гимнософистов в *IA* в переводе Ринучини, в диалоге Рейхлина *De verbo mirifico* и в сочинении Корнелия Агриппы *De occulta philosophia*.

В главе восьмой «Аполлоний становится популярным. Три перевода 1549 г. и иллюстрации Яна ван дер Стрета к *Vita Apollonii*» (с. 247–267) Далл' Аста обращается к вышедшим в одном и том же году переводам *IA* на итальянский язык и рисункам фламандского художника Я. ван дер Стрета. Все три итальянских переводчика Джованбернардо Гвальдини, Франческо Балделли и Лодовико Дольче перевели *IA* на родной язык с латинского перевода Ринучини. В Приложении V (с. 350–355) автор поместил синопсис всех трех переводов и перевода Ринучини.

Что касается иллюстраций ван дер Стрета (1523–1605), хранящихся в нью-оркском Национальном музее дизайна (*Cooper-Hewitt-Museum of Design*) и в лон-

¹⁷ *Agrippa Cornelius. De occulta philosophia libri tres / V. P. Compagni. Leiden; N. Y.; Köln, 1992.*

донской Галерее Куртолда (*Courtauld Institute Galleries*), то видимо они были заказаны художнику флорентийским ученым Луиджи Аламанти (1558–1603). В Приложении VI (с. 356–363) даны иллюстрации к *IA* Я. ван дер Стрета, И. Коллерта и П. Либери.

В заключительной девятой главе «*Барочный эпилог: Academia Tuanea (1646) Бартоломео Тортолетти*» (с. 269–294) Далл’ Аста касается восприятия Аполлония Тианского на исходе Ренессанса, а также анализирует «первую новоевропейскую монографию о «Жизнеописании Аполлония» Филострата пера известного деятеля римской *Academia degli Umoristi* Бартоломео Тортолетти (1560–1648) — *Academia Tuanea*, в которой Тортолетти дает Аполлонию резкую отповедь на манер Джанфранческо Пико делла Мирандолы.

В заключении Маттиас Далл’ Аста подводит общий итог своему исследованию *IA* в эпоху Ренессанса. Он отмечает, что «Жизнеописание Аполлония» Филострата является прекрасным образцом текста, который на протяжении столетий подвергается самым различным интерпретациям, являясь одним из ключевых сочинений для антихристианской полемики и христианской апологетики с момента своего написания и вплоть до нашего времени.

Без преувеличения книгу Далл’ Асты можно назвать самой значительной вехой в изучении истории рецепции *IA* последних десятилетий. Стоит также отметить превосходное оформление и замечательную верстку книги. Опечаток я не заметил¹⁸. То, что у автора очень приятный стиль речи заметил и рецензент «*Renaissance Quarterly*»¹⁹. Несомненно, она будет полезна не только филологам-классикам и историкам Ренессанса, но и богословам. К сожалению, история рецепции древней и новой литературы еще не стала полноценной дисциплиной в отечественном богословии, однако, то, что в будущем она станет равноправным предметом в курсах апологетики и истории богословия нам кажется безусловным.

А. В. Белоусов
(ПСТГУ; МГУ)

Augustin Handbuch / V. H. Drecoll, Hrsg. Tübingen : Mohr Siebeck, 2007. XIX, 799 S.

Вышедший из печати в 2007 г. том продолжает серию выпускаемых издательством Мор Зибек «Справочников» (*Theologen-Handbücher*), каждый из которых посвящен той или иной крупной фигуре или периоду в истории богословия. Конечно, мировое августиноведение не знает недостатка во «введениях», «компаньонах» и руководствах к изучению Августина, не говоря уже о нескольких справочниках энциклопедического типа. Однако среди этого множества рецензируемый справочник, полагаем мы, займет самое почетное место. Добротность этого издания определяется, на мой взгляд, его разносторонностью и фундаментальностью.

¹⁸ За исключением, пожалуй, одной. На S. 165 напечатано «*bricht*» вместо «*bericht*».

¹⁹ *Neumann H.-P. // Renaissance Quarterly. 2009 (Summer). Vol. 62. P. 485.*